

Пульс недемократии?

ЮДИН Г. Б. (2020). ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ, ИЛИ ВЛАСТЬ ЦИФР. СПБ.: ЕУ СПБ. 174 С. ISBN 978-5-94380-294-2 [СЕРИЯ «АЗБУКА ПОНЯТИЙ». ВЫП. 11]

Алексей Титков

Кандидат географических наук, доцент, факультет социальных наук,
Московская высшая школа социальных и экономических наук
Адрес: Газетный пер., д. 3-5, стр.1, Москва, Российская Федерация 125009
E-mail: a-titkov@yandex.ru

Статья продолжает дискуссию о книге Г. Юдина «Общественное мнение». Разбираются тезисы автора о «плебисцитарных тенденциях» техники опросов; о связях опросов с руссоистской традицией и «плебисцитарной моделью»; о вкладе Гэллага, Шумпетера и Вебера в изобретение плебисцитаризма. В связи с предложенной моделью плебисцитаризма обсуждаются спорные моменты в трактовке идей Вебера и Шумпетера и издержки фокусировки автора на случае России 2010-х годов, принятом за образец плебисцитаризма и «воплощение идей Гэллага». Сравняются концептуальные модели плебисцитаризма Юдина и Урбинати, обсуждается разница в их принципах, сравниваются предложенные в них критерии аккламации и нормальной демократии. Статья обращает внимание на разное понимание демократии Гэллагом и Шумпетером, Шумпетером и Вебером; на связь между классической доктриной представительной демократии по Шумпетеру и буржуазной публичной сферой по Хабермасу; между публичной сферой и идеей квантификации мнений. Вместо гипотезы Юдина о радикальном переизобретении понятий демократии и общественного мнения в первой половине XX века предлагается схема преемственности опросов с большими проектами Нового времени: представительной демократией, публичной сферой, биополитикой. Реконструируется проблематика социальной и политической онтологии опросов, требующая дальнейшей дискуссии.

Ключевые слова: аккламация, Гэллаг, демократия, квантификация, массмедиа, опросы, общественное мнение, плебисцитаризм, политическая онтология, публичная сфера, Урбинати, Шумпетер

«Общественное мнение» Юдина — интеллектуальная провокация в форме популярного введения. Вместо ожидаемого от серии «Азбука понятий» рассказа «всё устроено вот так» читатель получает «всё не так, как вы думаете». Опросы не то, чем кажутся. И общественное мнение. И демократия. Фокус книге задают три стереотипа («мифа»), которые автор разоблачает.

Первый миф: «общественное мнение — это соотношение людей, давших ответы на некий вопрос» (с. 17). Нет, настоящее общественное мнение связано со свободной дискуссией в публичной сфере. Такому общественному мнению опросы противопоставлены: они вырастают из традиции Руссо, враждебной к дискуссиям, и подавляют свободную дискуссию «гипнозом цифр».

Второй миф: «общественное мнение изучает социология» (с. 19). Нет, социологическая реальность сложнее, чем сумма индивидов. «Суммирующая онтология» опросов в социологии неприемлема.

Третий миф: «принятие решений в соответствии с опросами общественного мнения — это демократия» (с. 21). Нет, это плебисцитаризм, его придумали противники демократии, чтобы сохранить власть элит. Настоящая демократия — это коллективные действия и столкновение политических повесток. Плебисцитарная модель делает граждан пассивными, сводя их роль к голосованиям. Выборы и опросы — это просто аккламация, одобрение политических лидеров.

Ответы получены. Книга настраивает: их тоже надо проверить. Принять ответы только потому, что они нравятся, — это будет аккламация, плебисцитарное решение. Аккламация — решение эстетическое (Урбинати, 2016: 389–390)¹. Науке и созданной по ее образцу публичной сфере (с. 47) нужны рациональные аргументы.

Начало академической дискуссии о книге положила рецензия А. Магуна; она выделяет в книге два измерения: «критически-полюемическое» и «историко-понятийное» (Магун, 2020: 422). Нормативная критика выбрала своим фокусом плебисцитаризм, «авторитарный аспект» либеральных демократий (Там же: 409–410). Юдин подхватывает идею Н. Урбинати: изучать «искажения демократии» (Урбинати, 2016). Объясняя плебисцитаризм и его отличия от популизма, автор тоже отсылает к схеме Урбинати (с. 143).

В историко-понятийной части Юдин предлагает тезис о радикальной смене понятий в межвоенные годы XX века. Выборы и опросы «оказались в центре наших представлений о демократии меньше ста лет назад» (с. 128). Общественное мнение, понимаемое как проценты в данных опросов, «еще 90 лет назад... было бы просто невысказано» (Хачатуров, Машуков, Юдин, 2020). В фокусе автора три фигуры: Вебер, Шумпетер, Гэллап. Все трое реагировали на межвоенные эксперименты с демократией, когда «массы вышли на сцену политической жизни» (с. 131). Вебер и Шумпетер смогли «радикально ограничить демократию», сведя роль масс к простому одобрению элит (с. 131–135), а Гэллап — «незаметно полностью изменить смысл общественного мнения (с. 97).

Связующим звеном между изобретением идей и политической моделью служит заимствованный из STS (прежде всего у Мишеля Каллона) тезис о перформативности технологий и идей. Технологии перформативно меняют мир, они «вписываются в логику» политических режимов и «кусают ее изнутри» (Хачатуров, Машуков, Юдин, 2020). Гэллап создал технику, которая ему казалась «пульсом демократии» (Гэллап, Рэй, 2017). Теперь выясняется, что «пульс виляет собакой», опросы ведут демократию к плебисцитарной модели.

Характер технологий и их воздействие на мир, в свою очередь, определяется идеями, которыми руководствовались создатели. Как следствие, аргументация

1. Актом аккламации было бы принять ответы Юдина, например, из-за того, что они «блестящие» или «смелые».

книги строится на двух уровнях: анализ текстов Вебера, Шумпетера и Гэллапа и реконструкция политической онтологии, заданной техникой опросов. Свежим ходом, который подсказала такая перспектива, стала предложенная в книге оценка Гэллапа не только как технолога, что общепринято, но и как политического теоретика. Любимый в STS принцип симметрии подсказывает, что рядом должен быть сюжет о Вебере и Шумпетере как технологах. Но — нет, пропуск.

Кроме того, Магун хочет найти в книге «общетеоретический посыл», который «не до конца ясен» (Магун, 2020: 414). Магун предлагает свою интерпретацию, но без уверенности, что угадал. Моя задача — реконструировать этот посыл, следуя за аргументами автора. Первое следствие из нее: внимание к общей теории, а не к отдельным случаям. В книге заметен акцент на России 2010-х годов: по сравнению с ней, считает Юдин, «нигде опросы пока... не играют такой системообразующей роли» (с. 8). Оговорка «пока» не случайна: «плебисцитарные тенденции» заложены в самой технологии опросов (с. 152–154), в России они лишь доведены до предела (Хачатуров, Машуков, Юдин, 2020). Россия сегодня «воплощение системы, которую хотел построить Гэллап» (Юдин, 2018: 345; Yudin, 2019), и предупреждение другим. Нам в этой схеме важна не «теория России», а общая часть.

Координаты для анализа дают «три мифа» Юдина (пока ограничимся двумя) и выделенные Магуном измерения: нормативная критика и история понятий.

Опросы — это не демократия?

Опросы мешают подлинным формам демократии — доказывает Юдин. Подлинные формы — это дебаты и коллективное действие (с. 22), опросы — плебисцитарный инструмент, ограничивающий активность граждан.

Вопрос, который возникает сразу: опросы разве не одна из форм коллективного действия? Ответ автора можно предположить: настоящее коллективное действие организуют простые граждане, опросы — инструмент элиты и «воспроизводят картину мира, которая комфортна элитам» (с. 167). Такой гипотетический аргумент, как и реальные, надо будет учесть и проверить. Аргументы предлагаются тройкие: 1) предполагаемая опросной техникой онтология; 2) опросы в их отношениях с политическим режимом; 3) идеология Гэллапа в увязке с другими теоретиками плебисцитарной модели.

Опросы как техника. Плебисцитарные тенденции опросной техники Юдин обнаруживает в двух направлениях: опросы не сопровождаются дискуссией; опросы ставят граждан в пассивное положение. Аргумент о дискуссиях будет разобран в следующем разделе; аргумент о пассивности основан на двух наблюдениях: «граждане только отвечают на заданные вопросы» (с. 146); граждане не могут попасть в выборку по своей инициативе и вероятность попасть в нее обычно слишком мала (с. 103–104).

Наблюдение «граждане только отвечают на вопросы» переходит в широкое обобщение: «... в то время как элиты определяют, какие вопросы будут задаваться. У масс в этой модели не может быть никакой инициативы, они не имеют возможности ни поставить вопрос, ни переформулировать его» (с. 146). Проверяем. Технология опросов задает три главных роли: инициатор, исполнитель, респондент. Аргумент Юдина предполагает, что тему задают обязательно «элиты» («лидер»), а «граждане» («массы») мыслимы только в роли опрашиваемых. Тезис настолько спорный, что Юдин сам дает контраргументы. Вопросы не всегда «плебисцитарные»: «Мы можем даже на российском примере представить себе контррегемонный вопрос» (Напреенко, Юдин, 2020). Инициатор не обязательно «лидер (элита)»: возможны опросы, «заказываемые самим „общественным мнением“», где заказчиком выступают независимые медиа или инициативные группы, собравшие деньги по подписке (Юдин, 2020: 62).

Вопрос о случайной выборке, в которую нельзя войти добровольно, прояснит ее «донаучное» название: жеребьевка. Выборы Юдин называет «олигархическим институтом» (Сысоев, Юдин, 2020). Жребий как демократическая альтернатива — тема, популярная в античности и в Новое время (см.: Манен, 2008), она до сих пор предлагается как противоядие (см., напр.: Рейбрук, 2018).

Подход «от техники» перспективный, но в книге раскрыт лишь фрагментарно. Может быть, помешала фокусировка автора на «плебисцитарности», исключившая из поля зрения противоречащие ей характеристики. Приведу один пример. Важное отличие плебисцитаризма от демократии Юдин видит в том, что в первой «принципиально наличие в обществе одного взгляда на политику» (с. 152); в последней сталкиваются повестки разных политических сил, способных «ставить собственные вопросы» (с. 152–154). Опросы представляют собой технологию «с открытым кодом», доступную для копирования всеми, кто намерен «задавать свои вопросы».

Политическую роль опросов Юдин определяет, цитируя Гэллапа: это «перманентный референдум» (с. 135; Юдин, 2018: 348–349)². Если референдум окажется плебисцитарным по своей природе, опросы надо признать такими же. Выясним, какие референдумы имел в виду Гэллап. Он решает задачу, намеченную Дж. Брайсом: можно ли измерять мнение народа в постоянном режиме (с. 100–101; Юдин, 2018: 346–348). Брайс считал хорошим образцом референдумы в кантонах Швейцарии, но в этом режиме «хлопотно и затратно получить голоса миллионов» (Гэллап, Рэй, 2017: 51). Для Гэллапа и Рэя задачу решает «референдум с использованием выборки» (Там же: 52). Образцом, получается, служат референдумы в швейцарских кантонах. Такие референдумы не всегда в интересах «элиты», инициаторами нередко становятся рядовые граждане.

Американская практика референдумов, на которую ориентировался Гэллап, похожа на швейцарский образец. К примеру, в Калифорнии в 2016 году референ-

2. В одном из текстов Гэллапа нашлось даже слово «плебисцит» (Юдин, 2018: 348).

думом решались вопросы о легализации марихуаны (57,1% «за»), запрете пластиковых пакетов в супермаркетах (53,2% «за»), запрете оружия с магазинами большой вместимости (63,1% «за»), обязательном использовании презервативов в порнофильмах (53,7% «против»), повышении налога на сигареты (64,4% «за») и др., всего полтора десятка инициатив (данные сайта Ballotpedia.org).

Возможен ли «не плебисцитарный» референдум, подсказывает критерий Юдина: плебисцитаризм — это политика «элит», демократия — это коллективное самоуправление (с. 22; Сысоев, Юдин, 2020; Напреенко, Юдин, 2020). Референдумы по повседневным вопросам, которые граждане способны компетентно разрешить, явно такой случай. Второй критерий Юдина: «контргегемонные» вопросы. Референдум, повседневный по проблеме и «контргегемонный» по постановке, должен быть демократическим. Пример такой инициативы мы обнаруживаем даже в России 2010-х годов: кампании за референдум против повышения пенсионного возраста в июне — октябре 2018 года. Заметим на будущее, что «плебисцитарная модель» политического режима в стране не предопределяет, что все инициативы, возникающие в нем, будут неизбежно «плебисцитарными». Точно так же возможны «плебисцитарные» механизмы в «не плебисцитарном» политическом режиме.

В референдумах нет предзаданной «плебисцитарности», в опросах, следовательно, тоже. Можно вернуться к вопросу: считать ли опросы коллективным действием? Аргумент, что опросы обязательно «инструмент элит», себя не оправдал, других возражений пока не видно. Книга задает проблему: люди не хотят участвовать в выборах и опросах. Причиной, почему это происходит, Юдин называет кризис «доктрины электоральной демократии» (с. 129). В некоторых ситуациях — возможно, да. В общем случае это часть проблемы коллективных действий. Митинги, петиции, любые формы коллективного действия, создающие «мнение народа» (Шампань, 1997), предполагают такую же, по сути, проблему участия.

Гэллп vs Шумпетер. «Плебисцитарность» опросов обосновывается также параллелями между Гэллапом и «отцами плебисцитаризма» Вебером и Шумпетером. Одним из связующих звеньев между ними Юдин видит «суммирующую онтологию»: «Вы складываете индивидов и получаете волю народа. С этого начинали многие пионеры общественного мнения... По своей сути эта модель экономическая... Собственно, Шумпетер и предложил аддитивно-агрегативную модель, где... политический выбор отдельных индивидов суммируется» (Напреенко, Юдин, 2020).

В аргументации Юдина о Шумпетере и Гэллапе есть пробел. Из книги мы узнаем, что Шумпетер изменил понимание демократии, связав ее с электоральной политикой (с. 128), а Гэллп следовал «совершенно особому взгляду на природу демократии» (с. 23). Отсюда неизбежны вопросы: каким было старое понимание демократии, от которого отказался Шумпетер? как с ним соотносится «особый взгляд» Гэллапа? Отвечая на них, мы обнаруживаем радикально разные позиции Гэллапа и Шумпетера.

Юдин подсказывает исходную точку: Шумпетер (Шумпетер, 2008) порывает с классической доктриной демократии и связывает демократию с борьбой на выборах. Ключевой момент: в чем разница между Шумпетером и классическими предшественниками. Шумпетер не изобрел выборы, они уже были обязательной частью представительной демократии. Отличие в том, что классическая доктрина считала процедуру второстепенной: главное — определить общее благо, которому должны следовать представители народа (Шумпетер, 2008: 647, 667). Критика Шумпетера направлена против веры в способность «народа» сформулировать «общее благо» (Там же: 648–663). Шумпетер считает такую веру нереалистичной и предлагает поменять приоритеты: «сделаем решение проблем избирателями вторичным по отношению к избранию тех, кто будет принимать решения» (Там же: 667).

Иначе говоря, «суммирующую онтологию» общего мнения, которую Юдин приписывает Шумпетеру, тот отвергает и критикует³. Критика Шумпетера похожа на аргументы Бурдые (Бурдые, 1993а) три десятилетия спустя по поводу опросов (с. 109–112)⁴. Доказывая, что «общественное мнение не существует», Бурдые замечает: не у всех индивидов есть мнение (с. 111; ср.: Бурдые, 1993а: 161). Шумпетер предлагает сходный тезис: по вопросам большой политики у граждан, как правило, нет «воли» в смысле устойчивого практического интереса (Шумпетер, 2008: 659–660). Мнения о политике формируются под влиянием аффектов, предрасудков и рекламы (Там же: 660–662). Складывать такие мнения, чтобы выяснить «общее благо», бесполезно.

Шумпетер отвергает классическую доктрину, основанную на идее общего мнения. Гэллп возвращает нас к ней. Общественное мнение можно измерить опросами. Они станут ориентиром для политиков и экспертов, будут влиять на них.

В изложении Юдина позиция Гэллпа и Рэя выглядит «откровенно непослдовательной» (Юдин, 2018: 350–351). Юдин удивляется: как можно на протяжении нескольких страниц переходить от идеи, что общественное мнение должно быть «решающей силой в политике», к идее, что опросы будут «незаменимыми помощниками правительства» (Там же: 351). В итоге Юдин все-таки решает, что Гэллп и Рэй за «расширение власти экспертов» и предлагают модель, в которой «именно технократ, а вовсе не общество, является главным адресатом опросов» (Юдин, 2018: 351–352). Гэллп, заключает Юдин, за модель, в которой «элиты» реально правят и всего лишь «используют опросы как важный источник информации» (Юдин, 2018: 351).

3. Юдин верно называет «суммарную онтологию» общего мнения «экономической по сути» (Напреенко, 2020). Утилитаристская философия XVIII века, с которой Шумпетер связывает классическую доктрину демократии, стала основой экономической науки. Пример Шумпетера показывает, что можно быть экономистом и не соглашаться с этой моделью.

4. Теория полей и капиталов Бурдые, определяющая главный аргумент «Общественного мнения не существует» (граждане различаются по степени компетентности и включенности в политику), сложилась тоже под заметным влиянием экономической науки.

Как соотносятся «власть экспертов» и мнение граждан — ключевая проблема. Юдин задает ее координаты, обращаясь к полемике Липпмана и Дьюи. Липпман представляет элитистскую альтернативу (с. 60–65), Дьюи — демократическую: «в качестве обуви лучше разбирается тот, кто ее носит», проблему лучше чувствует тот, кто с ней сталкивается (с. 65–66). Ответ Гэллапа и Рэя склоняется к демократической альтернативе: граждане могут быть некомпетентны в выборе средств, но способны задать политикам большие цели (Гэллап, Рэй, 2017: 194). Повседневный опыт граждан нужен, чтобы сформулировать общее благо, специалисты должны предложить решение, как их можно достичь (Там же). Оснований считать Гэллапа «технократом» и сторонником «власти элит» нет.

Воля vs мнение. Важно понять, откуда ошибка в ясном, казалось бы, пункте. Юдин ставит Гэллапа и Рэя в ситуацию выбора между представительным правлением и прямой демократией. «Классическое представительное правление» предполагает, что представитель «полностью свободен» в рамках закона; «прямая демократия руссоистского типа» требует, чтобы представитель «просто претворял в жизнь волю народа» (Юдин, 2018: 351). Гэллапа «настигает конфликт между двумя концепциями» (с. 105)⁵. Выяснив, что «непрерывные опросы общественного мнения будут всего лишь дополнять, а не нарушать работу выборных представителей» (Гэллап, Рэй, 2017: 195), Юдин заключает: Гэллап на стороне «элит».

Предложенная схема требует важной поправки. «Привить репрезентацию к демократии» — задача, поставленная в конце XVIII века; в американской традиции ее заявил Томас Пейн⁶. «Дошумпетеровская» доктрина представительной демократии решала эту задачу. Гэллап не выбирал между ней и «элитистской» моделью⁷. «Элитистскую» позицию Мэдисона, как отмечает Юдин, Гэллап отвергает (Юдин, 2018: 351).

Дело не в том, что Юдин «потерял» демократическую модель представительства: он упоминает демократические идеи Джефферсона и указывает, что Гэллапу они близки (Юдин, 2018: 351). Проблема обнаруживается на уровне концептуальных различий. Оценка взглядов Гэллапа будет зависеть от того, как мы учтем неизбежную в представительной демократии асимметрию между представителем и избирателями: у одних есть право принимать политические решения, у других (помимо референдумов) нет. Урбинати выражает такую асимметрию клю-

5. В этом месте книги Юдин говорит о конфликте между двумя концепциями общественного мнения: «демократической» (Руссо) и «буржуазной» по Хабермасу. «Концепция общественного мнения» Руссо — просто другое название теории общей воли. Связь между буржуазной публичной сферой и классической доктриной (по Шумпетеру) согласованно отмечают Хабермас (Хабермас, 2016: 290) и Шумпетер (Шумпетер, 2008: 649).

6. Ключевую цитату можно найти, не закапываясь в первоисточники, в «Демократии» А. Магуна (Магун, 2016: 96) в той же серии «Азбука понятий».

7. В теории представительства альтернатива «свободны или выполняют волю народа» описывается как выбор между моделями представительства: доверенное лицо (trustee) или делегат (Dovi, 2018). Заметим разницу в терминах: Юдин и консерваторы говорят о «представительном правлении», Гэллап (Гэллап, Рэй, 2017: 189–198) — о «представительной демократии», более частном случае.

чевой парой терминов: «воля» и «мнение»⁸. Воля проявляется в политических процедурах, мнение создается в публичном общении на «форуме» (Урбинати, 2016: 10). В схеме Юдина подобного различия нет. Вследствие этой разницы логика, заданная Урбинати, и решение, предложенное Юдиным, приводят к разной оценке взглядов Гэллапа.

Схема Урбинати дает решение, схожее с позицией Гэллапа: выборы — реализация политической воли; опросы — высказывание политического мнения. Между ними: «критически важное разделение, сохранение которого необходимо... — барьер между... форумом общественного мнения и правительственными институтами, проводящими в жизнь волю народа» (главный тезис книги Урбинати, вынесенный на обложку русского издания). Для Юдина выборы и опросы это два типа «голосования» (с. 122); и в такой логике неизбежен вопрос: какой из двух весомее. Ответ, что опросы «всего лишь дополняют» парламентскую процедуру, в координатах Юдина означает, что Гэллап за «элиты». В схеме Урбинати Гэллап дает правильное демократическое решение. Урбинати важно, учитывают ли политики мнение избирателей: если учитывают (без «всего лишь») — нормальная демократия; если мнение не влияет на политику — плебисцитаризм. Достоинства и недостатки схемы Урбинати — отдельная тема. Сейчас достаточно, что в ней возможна ясная трактовка позиции Гэллапа. Он перестает быть «непоследовательным», если уточнить координаты.

Вебер vs Шумпетер. Вебер и Шумпетер в трактовке Юдина идут тандемом. Юдин начинает с исторического анекдота, как они спорили в кафе (с. 130–131), но помещает обоих в одном лагере: оба «преследовали антидемократические цели», Шумпетер лишь «хладнокровнее и циничнее» (с. 133–135). В момент, когда «массы вышли на политическую сцену», Вебер и Шумпетер предложили плебисцитарную модель, которая свела активность масс к участию в голосованиях (с. 131–135). Урбинати в своей критике плебисцитаризма тоже подчеркивает роль Вебера и Шумпетера, но по-другому. Вебер для нее отец плебисцитаризма, Шумпетер — нет.

Логика Урбинати задана тезисом, который она защищает: «демократия — это ее процедуры» (Урбинати, 2016: 430). Искажение демократии — это искажение процедуры, «умаление процедурной формы демократии» (Там же: 343)⁹. Когда, например, политики-популисты используют власть для ослабления контроля над правительством, для предпочтений своим избирателям (Там же: 426–427) — это искажение, покушение на процедуру.

Критика Урбинати в адрес Вебера прямо противоположна претензиям Юдина¹⁰. Урбинати отмечает, что Вебер в политике различает «форму» и «материю»,

8. В похожем значении Б. Манен вводит различие между «высшей волей» (парламент) и «низшей волей» (митинги, петиции, газеты) (Манен, 2008: 254).

9. Название книги в оригинале («Democracy Disfigured») подчеркивает, что имеется в виду искажение формы.

10. Вебер для Урбинати прежде всего автор текста «Парламент и правительство в новой Германии». Вебер в нем сразу оговаривается, что выступает как политик, а не ученый, и с самого начала

парламентские процедуры и политическое движение масс. Урбинати важно, что в этой дилемме Вебер выбирает «материю»: для него энергия массовых действий позволяет обновить демократию, несмотря на процедурные препятствия (Там же: 337–340). Веберовский дуализм «демократии в действии» и косной «формы» Урбинати считает основой классической плебисцитарной модели (Там же: 341–343)¹¹. Шумпетер для Урбинати, наоборот, вынужденный союзник; правда, нежелательный, испортивший репутацию процедурализма (Там же: 38–41). Изъян позиции Шумпетера она видит не в определении демократии через процедуру, а в нежелании признать нормативную ценность процедуры (Там же: 431–432). Отсюда для Урбинати всего шаг до искажений демократии: не ценить процедуру — значит не защищать ее от покушений.

Анализ Урбинати позволяет увидеть контраст не только между Вебером и Шумпетером, но и между трактовками Урбинати и Юдина. Плебисцитаризм Урбинати это одно из искажений демократической процедуры, в плебисцитаризме Юдина процедура, наоборот, источник проблемы: ее использует «лидер (элита)», чтобы держать «массы» в пассивности.

Классическая доктрина и ее кризис. Проверка позиций трех предполагаемых отцов плебисцитаризма, Гэллапа, Шумпетера и Вебера, выяснила, что они контрастно разные, как «камень — ножницы — бумага». Взамен мы получили точку отсчета: «классическую доктрину демократии» по Шумпетеру. По отношению к ней становятся понятными взгляды трех главных фигур.

Юдин наметил интригу: Гэллап, Шумпетер и Вебер отвечают на кризис демократии. Теперь можно уточнить, что кризис переживала описанная Шумпетером классическая доктрина, основанная на убеждении, что на выборах можно определить «общее благо». Расширение избирательного права и «выход масс на политическую сцену» становятся проблемой для классической модели. Она предполагала компетентного участвующего гражданина. Новые избиратели («массы») были далеки от такого идеала, поэтому понятен скептицизм Шумпетера относительно способностей рядовых граждан сформировать рациональное политическое мнение.

Решение Гэллапа сохраняет классическую доктрину и предлагает решать главную задачу («общее благо») не только выборами, но и опросами¹². Выборы для Гэллапа по-прежнему значимы: они не только определяют волю народа, но и служат «школой» гражданского общества (Гэллап, Рэй, 2017: 201; Юдин, 2018: 349).

разделяет «исторические задачи немецкой нации» и «вопросы государственной формы», отдавая приоритет первым (Вебер, 2017: 61).

11. Урбинати отличает классическую плебисцитарную модель, основанную на голосованиях, от современной плебисцитарной «демократии зрителей» (Там же: 324–325).

12. Юдин связывает взгляды Гэллапа с «опытом исследований рекламы и потребительского поведения» (с. 105). Маркетинговый опыт здесь хорошо согласуется с классической доктриной. Последняя, в частности, понимала партии как группы, предлагающие избирателям свои принципы общего блага. Выбор между партиями в таком случае оказывается выбором между видами общего блага (Шумпетер, 2008: 682).

Шумпетер, в отличие от Гэллапа, не верит, что выборы способны определить «общее благо», и считает, что демократическая процедура нужна для другой задачи: отбор политических лидеров¹³. Вебер предлагает выбор, противоположный решению Шумпетера: «воля народа» может быть выражена харизматическим вождем во главе массового движения, а если процедура будет мешать, ее можно преодолеть плебисцитарными механизмами.

Позиция Юдина дальше всего от классической доктрины: она соединяет неприязнь Вебера к процедуре (форме), ограничивающей народное движение, и недоверие Шумпетера (и Бурдьё) к идее «общего блага», выясняемого на выборах (и в опросах).

Опросы — это не общественное мнение?

Опросы, по книге, мешают общественному мнению. Хорошее общественное мнение — «буржуазная» публичная сфера (Хабермас, 2016), в которой идет свободная дискуссия. Гэллап предложил плохое общественное мнение, где место дискуссии заняли цифры опросов. Опросы мешают дискуссии двояко: 1) не предусматривают дискуссию; 2) подавляют дискуссию авторитетом науки.

Гэллап vs Руссо. Опросы, по Юдину, противоположны дискуссиям, потому что принадлежат к руссоистской традиции, в которой дискуссий нет. «Руссоистский подход... является предпосылкой... современных опросов общественного мнения» (с. 41) — этот пункт надо проверить. Из перечисленных Юдиным различий между «буржуазной» и «руссоистской» моделями нам достаточно двух: общая воля и дискуссия. В модели Руссо общественное мнение «выражает в себе общественное единство»; буржуазная публичная сфера «вовсе не требует единства» (с. 51). Руссо «против дебатов, потому что опасается искажения изначально имеющегося мнения»; «буржуазное» общественное мнение без дискуссии невозможно (с. 50).

По первому критерию («воля народа») Юдин относит к руссоистам Брайса, идейного предшественника Гэллапа (с. 100–101). Гэллап ввел технологию, реализующую идеи Брайса (с. 101), значит, тоже руссоист. Тут же выясняется: не совсем. Брайс и Гэллап «отчетливо оппонируют» Руссо в понимании общей воли (Юдин, 2018: 349). Для Руссо «за общественным мнением стоит единая народная воля», Гэллап понимает общественное мнение по аналогии с предпочтениями на рынке: они не обязательно совпадают (с. 104–105). Расхождение ключевое: опросы — квантификация мнений, а квантификацию Юдин выводит из идеи Руссо о единой воле. Руссо верит в общую волю и «именно поэтому считает голосование лучшим способом» (с. 51). «Буржуазная» концепция предполагает разнообразие взглядов

13. Урбинати, как и Шумпетер, не уверена, что демократическая процедура приводит к оптимальным решениям, но подчеркивает, как и Гэллап, что участие в выборах полезно как опыт, делает граждан компетентнее. Юдин описывает решение Урбинати как важный довод сторонников демократии (с. 32).

и для нее, считает Юдин, «простое суммирование голосов не покажет общественного мнения» (с. 51). Гэллап здесь «третий лишний»: верит в разнообразие мнений и одновременно в их квантификацию.

Ключ к ответу мы знаем: Гэллап продолжает классическую доктрину. Вера в волю народа, которая может быть выявлена, характерна и для Руссо, и для классической доктрины¹⁴. Различия — в понимании ее природы. Классическая доктрина идет за утилитаристами XVIII века, которые «прямодушно выводили волю народа из суммы воли индивидов» (Шумпетер, 2008: 649). Для Руссо суммирование индивидуальных представлений о благе обосновано только для «простых скоплений», в настоящем обществе (ассоциации) общая воля «превышает эту сумму» (Руссо, 1998: 230). Модель Руссо не «суммирующая», а «интегральная»¹⁵. Брайс, Гэллап и Рэй на стороне классической доктрины: для них общественное мнение не «сверхсущность», а всего лишь «совокупность взглядов» (Юдин, 2018: 349).

Если Гэллап и Рэй не руссоисты по отношению к общей воле, остается второй критерий: отношение к дискуссии. Юдин не приводит высказываний Гэллапа против дискуссий (наверно, не нашлись). Взамен выдвинут аргумент «от технологии»: опросы «исключают агитацию, распространение информации, дискуссии, которые обычно сопровождают выборы и референдумы» (Yudin, 2019: 5; Юдин, 2018: 349). Юдин противопоставляет «руссоистские» опросы фокус-группам, в которых, за счет дискуссий между участниками, «сильнее элемент буржуазной теории общественного мнения» (с. 114)¹⁶.

Предположим, что отношение Гэллапа к дискуссиям тоже определяется классической доктриной. Шумпетер замечает в ней разрыв между исходной данностью (отдельные индивиды) и желаемым результатом: общей волей народа (Шумпетер, 2008: 649)¹⁷. Решение, которое находит классическая доктрина: она «объединяет индивидуальные воли и пытается слить их с помощью рациональной дискуссии в волю народа» (Там же: 649). Гэллап разделяет это решение: «Выборы... по сути являются школой... Когда миллионы людей слушают выступления кандидатов, обсуждают проблему и голосуют, они получают подлинный опыт... гражданского общества» (Гэллап, Рэй, 2017: 201; Юдин, 2018: 349).

Остается вопрос: почему с опросами по-другому? Ответ можно вывести, зная, что для Гэллапа опросы дополняют, а не замещают выборы (Гэллап, Рэй, 2017: 45; Юдин, 2018: 349). Если выборы «школа», то опросы — «продленка», закрепляющая

14. Такая вера, следовательно, не служит достаточным отличительным признаком руссоизма. Юдин, относя Брайса к руссоистам, применяет именно такой (ненадежный) критерий (с. 100–101). То же Юдин делает по отношению к Гэллапу и Рэю (Юдин, 2018: 349).

15. «Интегральная» включает прямой алгебраический смысл: «общая воля» есть интеграл от множества частных воли, в отличие от простой суммы, «воли всех» (Dobrescu, 2009).

16. Важная для Юдина альтернатива опросам — предложенный Дж. Фишкиным проект делиберативных групп (с. 114–115, 163–164).

17. Ср. с аргументом Юдина: «Отдельные суждения множества произвольно взятых граждан не составляют никакого „общественного мнения“» (Юдин, 2018: 348).

уроки. Лучше, конечно, показать собственное решение Гэллапа. По пути к нему надо сначала выяснить отношения между дебатами, опросами и медиа.

Опросы и медиа. Связь между дебатами в публичной сфере и голосованием на выборах отмечает Хабермас: «голосование на выборах было... лишь заключительным актом непрерывно проводимого спора аргументов и контраргументов» (Хабермас, 2016: 290). Такая же связь обнаруживается между опросами и обсуждениями в массмедиа. Опросы Гэллапа — наследники «соломенных опросов» среди подписчиков газет и журналов (с. 82–83) и практики середины XIX века, когда «журналисты ходили по вагонам поездов и спрашивали пассажиров, за кого они собираются голосовать» (с. 99). Связь между публичными дебатами и опросами понятна логически: участникам дебатов важна оценка, насколько успешны их аргументы, насколько влиятельна их позиция. Факт, что в публичной сфере мнение динамично и «под влиянием рациональных аргументов может измениться» (с. 51), только увеличивает спрос на регулярные замеры¹⁸.

Связку «опросы и медиа» Юдин раскрывает сам, объясняя, как «с помощью опросов общественного мнения элитам удается манипулировать политической повесткой» (с. 146). Когда результаты опросов по какой-то проблеме резко меняются, «это обычно можно объяснить мощным воздействием медиа» (с. 147). Механизм влияния медиа состоит в том, что «получая вопрос, мы... начинаем сканировать информационное поле, чтобы понять, как на него ответить» (с. 146). Идея Э. Нозль-Нойман об опросе как инструменте, оценивающем эффективность пропаганды (с. 119), следует той же интуиции: опросы — продолжение медиасреды¹⁹.

Брайс и Гэллап тоже считали, что опросы должны быть связаны с медийными дискуссиями. Брайс до появления опросной техники предлагал свой «наилучший способ»: «непринужденно общаться с людьми... и отмечать их реакцию на новости и доводы, ежедневно попадающие в поле их зрения» (Гэллап, Рэй, 2017: 51). Гэллап и Рэй видели «убедительную параллель» между таким предложением Брайса и новой техникой опросов (Там же: 52). Последующая практика опросов выстраивается в логике Брайса и Гэллапа. Когда ВЦИОМ спрашивает: «С каким из следующих утверждений о бандеровцах Вы в большей степени согласны?» и предлагает выбрать одну из альтернатив, такая форма если не воспроизводит, то хотя бы имитирует столкновение позиций в медийном поле. «Язык, которым сегодня говорят опросы с человеком в России, — это язык вечерних новостей Первого канала» (Напреенко, Юдин, 2020) — та же тенденция в другой формулировке.

18. Юдин отмечает историческую связь между публичной сферой и научными дискуссиями (с. 47). В научном сообществе ни измерение как аргумент в полемике, ни измерение влиятельности аргументов (библиометрия) не выглядят чем-то чуждым.

19. Пример «Индекса результативности российской пропаганды» Киевского международного института социологии (Паниото, Грушецкий, 2015) подтверждает, что «измерение пропаганды» практически не отличается от обычного опроса в случае, когда другие медиа предлагают публике позицию, альтернативную «пропаганде».

Газеты — порождение «буржуазного» общественного мнения, важнейшая его часть. Гэллап, как утверждает Юдин, изобрел что-то радикально новое. Можно оценить, что именно. Запрос на количественную оценку мнений в логике публичной сферы неизбежен и возник задолго до Гэллапа. Раньше опросами занимались журналисты, Гэллап изобрел опросные компании и сделал их относительно автономными. При этом тематика опросов по-прежнему привязана к медийной повестке, их результаты предназначены для медиасреды²⁰. Деятельность опросных компаний в медиасреде проще всего объяснить, определив их как одну из специальных разновидностей медиа, которая решает своими методами типичные медийные задачи: определение повестки, объяснение (фреймирование) и оценка событий (с. 146–150).

«Аура научной объективности» (с. 137) вокруг опросов — важная характеристика. Вопрос в том, действительно ли «гипноз цифр» (с. 171) подавляет дискуссию. Люди не имеют дело с «цифрами опросов» напрямую, их поставляют массмедиа, которые дают «цифрам» свою трактовку, обсуждают, оспаривают (Душакова, 2020а). Данные опросов могут включаться в дискуссии как аргументы сторон, «аура научной объективности» делает их более весомыми — но не превращает в чудо-оружие, заставляющее оппонентов замолчать. Случаев, когда с появлением опросных данных дискуссия вдруг прекращалась, кажется, не было²¹.

Аргумент Юдина становится правдоподобным в случае, когда медиасреда и опросные компании контролируются автократом, а у оппонентов недостаточно ресурсов, чтобы донести свою позицию. Такие ситуации возможны, но винить в них технологию опросов — кажется, ложное решение. Случай России 2010-х годов показывает обратное: «плебисцитарная» технология опросов стала применяться уже после того, как сложилась монополия на медиа (см.: Юдин, 2014).

Признав, что «опросы — это (общественное) мнение», придется учесть предупреждение Урбинати (Урбинати, 2016): мнение для демократии — и необходимая часть, и скрытая угроза. Преувеличенная власть «зрительского» мнения в ущерб правам избирателей создает плебисцитаризм. Опросы как часть медиасреды и инструмент для замера реакций в этом смысле несут «плебисцитарные тенденции». Такой плебисцитаризм противоположен диагнозу Юдина: для Урбинати опасность не в том, что «голосования» заменят собой публичную дискуссию, а в том, что выборы потеряют свое значение из-за преувеличенной роли зрительских дискуссий. Можно ли обсуждать такую проблему в схеме Юдина — вопрос, который лучше адресовать автору.

20. Юдин тоже называет важным заказчиком опросов СМИ, которые «работают в интересах своей публики» и формулируют «важные для нее вопросы» (Хачатуров, Машуков, Юдин, 2020).

21. Можно вспомнить обратные ситуации, когда результаты опросов провоцируют дискуссию: «70% россиян одобряют Сталина» (Душакова, 2020б; Магун, 2020: 411–414).

Нормативная критика: опросы — плебисцитарные?

Вернемся к измерениям, предложенным в рецензии А. Магуна. Первое: нормативная критика плебисцитаризма. Критика Юдина выстроена на двух уровнях: «плебисцитарные тенденции» техники опросов и «плебисцитарная модель» в целом. И там, и там в аргументации видны серьезные проблемы.

«Плебисцитарные тенденции» опросов Юдин определяет двумя параметрами: опросы не предполагают дискуссий («руссоистская традиция»), они помогают оболванивать массы («гипноз цифр»). Оба только мешают автору, когда нужно обосновать действительно актуальные проблемы опросов.

Элиты с помощью опросов и массмедиа манипулируют политической повесткой (с. 146–148) — реальная проблема; но как ее объяснить, если «повестка» по определению относится к дискуссии, а опросы, если верить книге, с дискуссиями не связаны? Другое важное замечание: «Опрос общественного мнения — элемент публичной сферы, а значит, вся информация [о нем] должна быть... доступной и открытой» (с. 169). Да, большая проблема, но как она согласуется с предложенной теорией? Почему опросы «элемент публичной сферы», если публичная сфера — это дискуссии, а опросы нет? Зачем элиты закрывают опросы, нужные для «гипноза» публики? Зачем гражданам «цифры», которые их зомбируют? Проблема существует, но вопреки модели «плебисцитарности».

Аккламация и опросы. Урбинати дает более последовательную трактовку плебисцитарности. Современный плебисцитаризм она понимает как «демократию зрителей», в которой ведущую роль играют массмедиа (Урбинати, 2016: 374–386, 427–429). В такой версии понятно, что опросы как часть медиасреды могут оказаться в фокусе плебисцитарной политики. Плебисцитарное искажение Урбинати определяет по контрасту с нормальной демократией, где «мнение» граждан воздействует на «волю» политиков (Урбинати, 2016: 10). Современная плебисцитарная «демократия зрителей» налагает на политиков обязательство быть «на виду» граждан, но мнение зрителей не влияет на политический курс. В обоих случаях граждане оценивают политиков, но оценка устроена по-разному: избиратели в нормальном случае дают рациональную оценку, плебисцитарная зрительская оценка (аккламация) носит аффективный эстетический характер (Урбинати, 2016: 389). Эстетическое «нравится»/«нет» отличается от рационального «поддерживаю»/«нет» тем, что не предполагает ответных действий: «о вкусах не спорят» (Там же: 389–390). Таким образом, решающее различие проводится между рациональным выбором избирателя и аффективной реакцией зрителя²². Подобный подход предполагает, что на практике мы вряд ли обнаружим выбор или аккламацию в чистом виде, но позволяет делать относительные оценки: «больше/меньше».

22. Такая перспектива по-новому объясняет, почему Урбинати считает «отцом плебисцитаризма» Вебера, для которого власть харизматического вождя основана на аффективной связи между ним и последователями (Вебер, 2016: 279–283).

Критерий Урбинати важен еще и тем, что определяет аккламацию (и плебисцит как форму ее выражения) без отсылки к политическому режиму в целом. Разделив акт аккламации и контекст политического режима, мы избежим порочного круга: «выборы (опросы) носят характер аккламации», потому что они в рамках «плебисцитарной модели»; модель плебисцитарная, потому что в ней «выборы (опросы) носят характер аккламации».

Применим критерий Урбинати к принципиальным для Юдина случаям: Крымский опрос 2014 года и голосование по конституционному проекту 2020 года. Юдин определяет плебисцит (аккламацию) по двум признакам: 1) на плебисцит выносятся уже принятое решение (Хачатуров, Машуков, Юдин, 2020; Напреенко, Юдин, 2020); 2) результат плебисцита гарантирован благодаря полному контролю «лидера (элит)»²³. В такой логике опрос 2014 года и голосование 2020 года оказываются плебисцитами.

Применив критерий Урбинати, мы получим другой ответ: Крымский опрос похож на аккламацию, а голосование 2020 года — на гражданский выбор. Крымский опрос выстроен как «сократический диалог». Решающему вопросу «Вы согласны или не согласны с присоединением Крыма к нашей стране в качестве субъекта Российской Федерации?» предшествуют два аргумента в пользу ответа «да». Рациональный аргумент (первые два вопроса) предлагает сделать ценностный выбор с учетом возможных последствий: надо ли «защищать интересы русских и представителей других национальностей» в случае, если это «осложнит отношения с другими странами». Третий вопрос предлагает аккламацию: «Крым это Россия». Чтобы принять такое утверждение, нужен акт поэтического воображения, аффективный выбор. Повлиять могли оба аргумента, однако в рациональной логике между выбором «защищать жителей Крыма» и присоединением к России остается зазор: есть другие способы защиты. Эмоциональный выбор «Крым это Россия», наоборот, уже означает итоговое «да». В воображении отвечающего Крым уже Россия, надо только оформить законом.

Конституционное голосование 2020 года было устроено по-другому. К этому моменту уже несколько лет был в обороте поэтический лозунг «Путин — это Россия. Россия — это Путин». Кампания с таким девизом была бы однозначным призывом к аккламации, но мы видели другую, подчеркнута рациональную по своим аргументам. Избирателям напоминали о ценностях и публичных благах (здоровье,

23. Отметим проблемность этих критериев. Критерий «гарантированный результат», как и его знаменитый аналог «мятеж не может кончиться удачей (в противном случае его зовут иначе)», говорит лишь о силе/слабости лидера. По такому критерию мы не найдем аккламации на митинге декабря 1989 года в поддержку Чаушеску, завершившемся не «одобрением народа», как планировалось, а массовыми беспорядками и, вскоре, падением режима. По критерию «после принятого решения» в аккламацию попадают, сомнительным образом, публичные опросы осени 2004 года, когда Путин объявил об отмене прямых выборов глав регионов. Опросы тогда показали порядка 60% сторонников прямых выборов (Титков, 2007). Из-за того, что в опросах следующих лет сторонники прямых выборов тоже составляли большинство, прямые выборы стали общим лозунгом оппозиции; а в ходе протестов 2011–2012 годов возвращение прямых выборов в регионах стало одной из немногих уступок протестующим. В логике Урбинати это образцовый пример, как «мнение» влияет на «волю».

культура и др.) и доказывали, что поправки позволят их защитить и реализовать. Контраст между критериями Юдина и Урбинати станет нагляднее, если добавить для сравнения кампанию «Голосуй сердцем!» в поддержку Ельцина на президентских выборах 1996 года: результат (переизбрание) был не гарантирован, но предлагалась, по критерию Урбинати, явная аккламация.

Критерий Урбинати позволяет перенести акцент с «опросов вообще» на оценку конкретных случаев. Мой анализ вопросов, которые ВЦИОМ и «Левада-центр» задавали по тематике Украинского конфликта в 2014–2015 годах (Титков, 2016), обнаружил заметные различия в стиле формулировок. Вопросы типа «Как Вы считаете, России следует или не следует дальше поставлять Украине гуманитарную помощь?» и вопросы типа «Какие чувства у Вас вызывает политика России в отношении Украины?» представляют два полюса: роль ответственного гражданина или эмоционального зрителя. Эти крайние варианты вместе составляют порядка 20–25% от всех вопросов. Доля вопросов «гражданского участия», предлагающих принять решение за правительство или другие политические силы, выше у ВЦИОМ (24% против 13%). Доля вопросов «плебисцита зрителей», наоборот, выше у «Левада-центра» (9% против 4%). Плебисцитарность оказывается результатом конкретных действий «производителей мнения».

Закрытые опросы. Проблемы, связанные с непубличными опросами, задают новый взгляд на тезис о «плебисцитарных тенденциях». Плебисцитарность по Юдину подразумевает, что граждане видят результаты опросов, попадают под «гипноз цифр» и сохраняют пассивность. Как с таким механизмом соотносятся закрытые опросы — вопрос не очевидный.

Вопрос кажется несложным в масштабе «онтологии техники». Опросная техника не ограничивает количество замеров и не обязывает публиковать результаты. Можно совмещать манипулятивные вопросы для публики и серьезные вопросы «для служебного пользования». Юдин обращает внимание на технику «ротации альтернатив»: по одной теме задавать альтернативные вопросы с разными формулировками и публиковать только варианты, удобные для заказчика (Хачатуров, Юдин, 2019).

Вопрос усложняется в масштабе политического режима страны. Возьмем Россию, которую Юдин называет образцом плебисцитаризма. Здесь «плебисцитарная модель» опросов обнаруживается в промежутке между протестами 2011–2012 годов (Юдин, 2014: 55) и 2020 годом (Юдин, 2020). До и после этого периода власть использует опросы преимущественно в закрытом режиме (Там же). Получается отрезок чуть больше трети всего «путинского периода». Сравнение точек начала (после 2012 года) и заката (2020 год) «плебисцитарных» опросов с рейтингом Путина обнаруживает, что соотношение между ними неоднозначное. Данные «Левада-центра» показывают пилообразную динамику «одобрения деятельности»: максимумы (~88%) в 2008 и 2014 годах и снижение до уровня ~60% к 2013 и 2020

годам²⁴. Почему после сходного вызова (снижение рейтинга лидера) режим в 2013 году перешел к «плебисцитарной» модели опросов, а в 2020 году, наоборот, к закрытой «полицейской», пока непонятно; объяснения (Юдин, 2014, 2020) здесь скорее ситуативные.

Вопрос становится принципиальным в масштабе исторической генеалогии. Юдин связывает опросы не только с плебисцитарным проектом XX века, но также с полицией и статистикой раннего Нового времени. Опираясь на лекции Фуко (Фуко, 2011), Юдин выводит силлогизм: опросы — инструмент статистики; статистика — инструмент полицейского государства; следовательно, опросы — инструмент полиции (с. 150). Сродство между полицейским государством и опросами обнаруживается на уровне «суммирующей онтологии». Для полиции типично «стремление преобразовать „народ“... в „население“, состоящее из отдельных индивидов, ведь по отдельности за индивидами проще наблюдать» (с. 150); опросы «также построены на идее суммирования индивидов» (с. 150). Поскольку плебисцитарная политика «на публику» и техники тайной полиции контрастно непохожи, мы сталкиваемся с загадкой: непонятно, как получилось, что техника опросов идеально подходит для обоих.

Лекции Фуко (Фуко, 2011) дают подсказку, но требуют отказаться от прямолинейной схемы «опросы — инструмент надзора» (Юдин, 2014: 55; Сысоев, Юдин, 2020; Напреенко, Юдин, 2020). Фуко подчеркивает столкновения между техниками власти и способами сопротивления им. Истории фуколдианского «управленчества» и встречных «антиповодырских» движений «неразрывно сплетены», между ними возникают «обмены, взаимные опоры» (Фуко, 2011: 457, 459). Так возникает, в частности, «антиповодырская» идея нации, обладающей знанием о себе самой: «что она есть, чего она хочет и что ей нужно делать» (Там же: 459). Идея нации появилась, по Фуко, в противовес понятию государственного интереса (XVI век), предполагавшему, что именно государство и его агенты обладают истинным знанием о стране и ее жителях²⁵. В такой перспективе двойственный режим опросов, закрытый «полицейский» и открытый для общества, оказывается продолжением старой коллизии между техниками государственного интереса и проектом гражданской нации.

Нормативная критика: Шумпетер — плебисцитарный?

Плебисцитарную модель Юдин наделяет следующими чертами: 1) в ней преобладают отношения «лидер (элиты) — масса»; 2) активность «масс» сводится к участию в выборах; 3) выборы поддерживают статус-кво в пользу «элит (лидера)»; 4) такую модель предусматривают теории Вебера и Шумпетера. Каждый из этих пунктов можно оспорить.

24. См.: Левада-центр. Индикаторы: Одобрение органов власти. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/>.

25. Понятие *ratio status* (*raison d'État*, *Staatsräson*), переводимое как «государственный интерес», буквально означает «разум (или разумность) государства».

«Лидер» vs «элита». В плебисцитарной модели Юдина соединились разные типы «недемократий»: не случайно в книге речь поочередно идет то о «власти плебисцитарного лидера» (как у Вебера), то о «власти элит» («по Шумпетеру»).

Проблема становится наглядной, если сопоставить критерии демократии, предложенные Юдиным, с близкими по смыслу измерениями демократии в типологии политических режимов Р. Даля (Даль, 2010). По Юдину, демократию определяют плюрализм повесток (с. 152–154) и коллективное действие (с. 22), по Далю — политическая конкуренция (contestation) и возможности гражданского участия (inclusiveness) (Даль, 2010: 9–14). Демократия Юдина примерно соответствует олиархии Даля: высокая степень участия, высокая конкуренция (Там же: 12–14). С плебисцитаризмом по Юдину сложнее, ему соответствуют сразу два типа «недемократий» по Далю: гегемония участия (inclusive hegemony)²⁶ и соревновательная олигархия (competitive oligarchy) (Там же: 10–13). Первый из них предполагает высокую включенность в политику при минимальной конкуренции («единение в аккламации» Юдина); второй — высокую конкуренцию при барьерах на участие для большинства («конкуренция между элитами» Юдина)²⁷. Различия между ними, как можно предположить, не менее важны, чем подчеркиваемая Юдиным разница между плебисцитаризмом и популизмом.

Лидеры и народные движения. В изложении Юдина «лидер» делает «массы» пассивными и поддерживает статус-кво в пользу «элит», а идеологами такого порядка выступают Вебер и Шумпетер. Последнее утверждение по меньшей мере неточно.

Теории лидерства Вебера и Шумпетера не о том, как сделать массы пассивными, они решают проблему едва ли не противоположную: как возможно коллективное действие. Мобилизация за счет аффективного следования за вождем (Вебер) и обращение кандидата на лидерство к рациональным интересам группы (Шумпетер) — решения этой проблемы, сохраняющие актуальность до сих пор²⁸.

Харизма плебисцитарного вождя по Веберу — не инструмент статус-кво, а революционная сила, меняющая традиционный порядок (Вебер, 2016: 281–282). Типичные вожди плебисцитарной демократии — это предводители протеста: Гракх, Кромвель, Робеспьер, античные демагоги (Там же: 304–305). Вебер-плебисцитарист в анализе Урбинати (Урбинати, 2016: 337–343) — прежде всего сторонник народного движения, ломающего парламентскую форму.

Шумпетер тоже не предполагает «пассивность масс» и не «сводит демократию к выборам». Выборы — частный случай более общего феномена: борьба за политическое лидерство. Выборы в демократии занимают особое место, потому что формируют правительство, но они не исключают другие виды борьбы. Дебаты

26. В опубликованном русском переводе (Даль, 2010): «открытая гегемония».

27. Отличие «соревновательной олигархии» Даля от формулы «конкуренция между элитами» в том, что Даль имел в виду случай, когда «массы» лишены избирательных прав.

28. Краткое сравнение веберовской и утилитаристской (к ней относится Шумпетер) традиций анализа коллективных движений см.: Тилли, 2019: 42–67.

в прессе, экономические требования, внутривнутрипартийная борьба, «лозунги и марши» — элементы демократической политики, которые Шумпетер прямо упоминает в своей модели²⁹. Борьба за политическое лидерство идет не только на выборах, а всегда и везде; похожим образом никогда не прекращается экономическая конкуренция (Шумпетер, 2008: 669). Лидер — это выразитель групповых интересов, не обязательно «элитных». Представитель безработных, претендующих на пособие (собственный пример Шумпетера), может быть из их среды (Там же: 668–669). В мире Шумпетера нет жесткой границы между «вождем» и «массами»: «в принципе каждый волен бороться за политическое лидерство» (Там же: 670) и «теоретически каждый сторонник может сместить лидера» (Там же: 679).

Шумпетер показывает, как связаны между собой «феномен лидерства» и проблема «общего мнения». Его критический аргумент против «общего мнения» основан на том, что обычный гражданин склонен заниматься повседневными делами, а не политикой: «На политические проблемы он тратит меньше целенаправленных усилий, чем на партию в бридж» (Там же: 659). Если мы все-таки видим вовлеченность граждан в политику, надо объяснить, как она возникает. Ответ Шумпетера — «феномен лидерства»: кто-то убеждает граждан следовать за своей программой. Классическая концепция демократии, с которой спорит Шумпетер, игнорировала «феномен лидерства» только потому, что приписывала гражданам «совершенно нереальную» инициативу (Там же: 668).

Книга Юдина следует похожему аргументу Бурдые, который тоже подчеркивает, что граждане недостаточно компетентны и включены в политику. Это значит, что следующим шагом надо объяснить, почему коллективное действие все-таки существует. Бурдые в этой ситуации приходит к объяснению «по Шумпетеру»: политические профессионалы, конкурируя друг с другом, предлагают гражданам свои программы действия (Бурдые, 1993б). Юдин в конечном счете предлагает похожее решение. В книге Юдина граждане, уставшие от «плебисцитарных» элит, готовы поддержать протестные лозунги (с. 129–130, 143–144), но для этого нужны политики-популисты, которые их выдвинут; только тогда нашедшие своего лидера массы «ведут себя непредсказуемо и вызывающе» (с. 130, 144–145).

Выборы vs элиты. Предположения, что выборы поддерживают статус-кво в пользу «элит» и что модель Шумпетера имеет в виду именно такое устройство, в общем случае неверны ни в отношении выборов, ни в отношении модели Шумпетера.

«Критерий Шумпетера» в политической науке определяет демократию как систему, которая предоставляет «регулярные... возможности для смены... управляющих лиц» (Липсет, 2015: 27), при которой «партии проигрывают выборы» (Пшевровский, 1999: 28–29)³⁰. Такое определение не означает, что соперничают обя-

29. Из демократии Шумпетер исключает только насильственное свержение власти (Шумпетер, 2008: 669).

30. Несовпадение собственной формулировки Шумпетера с более поздними интерпретациями связано с тем, что Шумпетер хотел подчеркнуть отличие демократий от конституционных монархий,

зательно «элиты», а «массы» только наблюдают (с. 133)³¹. Критерий безразличен к разнице между «плебисцитаризмом» (в смысле Юдина) и «популизмом», между статус-кво в пользу «элит» и его поломкой. Случай, когда на выборах побеждают антисистемные движения (с. 129–130), тоже удовлетворяет критерию Шумпетера.

Тезис Юдина о выборах как механизме статус-кво отсылает в конечном счете к асимметрии между избирателями и представителями. Делать из нее вывод, что правят всегда «элиты», а «массы» обречены на роль зрителей, — решение, которое Урбинати считает характерным для сторонников плебисцитаризма (Урбинати, 2016: 427–428). Юдин в плебисцитарной модели меняет знак с одобрения на критику, но сохраняет ее онтологию: «политика — дело меньшинства, даже если последнее выбирается большинством» (Там же: 427–428). Урбинати предлагает альтернативу, подчеркивая в этой же асимметрии ответственность политиков перед избирателями: право выбирать и требовать отчета — ядро демократического гражданства (Урбинати, 2016: 429–430).

Акцентированная Юдиным проблема — «выборы закрепляют неравенство в обществе» (Сысоев, Юдин, 2020) — в логике Урбинати определяется иначе. Юдин видит причину в процедуре: «выборы — это олигархический механизм» (Сысоев, Юдин, 2020); Урбинати локализует проблему в «форуме мнений» (Урбинати, 2016: 436). Когда выборы воспроизводят неравенство, для Урбинати, в отличие от Юдина, это не сущностная характеристика выборов, а проблема общества, опасная для демократии-как-процедуры.

Обсуждая идеи Гэллага и механизмы аккламации, мы уже сталкивались с расхождением между Урбинати и Юдиным в понимании плебисцитаризма. Ситуацию, в которой «решают политики, мнение граждан служит информацией», Юдин считает плебисцитарной; Урбинати — правильной демократией, если мнение влияет на политический курс. Урбинати ясно задает, где для нее граница между нормальной демократией и плебисцитарным искажением. Относительно схемы Юдина пока не очевидно, допускает ли она вообще нормальную, не «плебисцитарную», представительную демократию на основе выборов. Не исключено, что нет. В ситуации, когда люди перестают ходить на выборы и участвовать в опросах, Юдин усматривает и кризис «доктрины электоральной демократии» (с. 129), и потерю интереса людей к «плебисцитарным системам» (с. 166). «Плебисцитарная модель», таким образом, превращается в лишний синоним «электоральной».

где выборы проводятся, но правительство назначает монарх (Шумпетер, 2008: 668). Сегодня важнее отличать демократии от однопартийных систем и моделей электорального авторитаризма, где выборы проводятся, но правящая партия их гарантированно выигрывает.

31. Юдин неточен, говоря, что «Шумпетер назвал такое определение „минимальным“, потому что оно отводит массам минимальное место в политической системе» (с. 133). Шумпетер не предлагал понятие «минимальный». Современные учебники, в которых так написано, не имеют в виду «минимальную роль масс». «Минимальное» подразумевает только единственный критерий (выборы), в отличие от «широких» определений, учитывающих больше параметров (см., напр.: Харпфер и др., 2015: 48–51, 71–73).

Модель из книги Юдина подходит, кажется, лишь для одного случая: персоналистского режима электорального авторитаризма, специфическими чертами которого будут как раз объединение «элиты» вокруг «лидера» и роль выборов как инструмента статус-кво³². В общем же случае такие допущения перестают быть верными.

История понятий: все-таки преемственность?

В «историко-понятийной» части фокус задает межвоенный кризис демократии, вызванный «выходом масс на политическую сцену» (с. 131). Задача интригующая, но предложенная в связи с ней гипотеза радикальной замены понятий требует если не пересмотра, то дополнительных аргументов в свою поддержку. Для начала важно понять, как она соотносится с историческими тезисами Шумпетера (Шумпетер, 2008) и Хабермаса (Хабермас, 2016). Обе книги играют ключевую роль в нормативной критике Юдина, но их историческая составляющая осталась в тени. Как следствие, незамеченной оказалась классическая доктрина демократии, реконструированная Шумпетером, и ее «избирательное сродство» с буржуазной публичной сферой Хабермаса: «буржуазный» характер классической доктрины³³ и тесная связь выборов и дискуссий, которую отмечают и Шумпетер (Шумпетер, 2008: 649), и Хабермас (Хабермас, 2016: 290). Вызовы для этих моделей тоже взаимно увязаны: всеобщее избирательное право, массмедиа XX века (Хабермас), социалистические проекты (Шумпетер).

Пример Гэллага и связь между опросами и дискуссиями в медиа показывают преемственность между моделями демократии до и после межвоенного кризиса. Координаты, заданные в книге, позволяют наметить ее исторические контуры: опросы это продолжение проектов XVIII века — представительной демократии с идеей общего мнения (Шумпетер, 2008); гражданской публичной сферы (Хабермас, 2016); биополитики с механизмами безопасности (Фуко, 2011).

Следующим шагом можно будет точнее определить, как появление опросов было обусловлено перекрестным влиянием этих трех больших проектов. Юдин делает об этом несколько замечаний, например, о возможной связи между опросами и идеей «населения» в логике управления (с. 150). В чем могла состоять эта связь — один из вопросов для будущих дискуссий. По Юдину, полицию и опросы объединяют «стремление преобразовать „народ“ в „население“, состоящее из отдельных индивидов» (с. 150), однако Фуко в лекциях 1977/78 года (Фуко, 2011) делает акцент на совершенно другом смысле «населения» в XVIII веке. Возникшая в тот период идеология физиократов понимала под «населением» сложную реальность, подчиненную прежде всего собственным естественным законам (биологи-

32. Заметим, что это случай, не отвечающий критерию Шумпетера в современной версии: здесь выборы не приводят к фактической смене власти.

33. По Шумпетеру, «отцы демократической доктрины» создали ее «в условиях буржуазного общества» и «недалеко ушли от понимания мелкого лавочника XVIII столетия» (Шумпетер, 2008: 649).

ческим, рыночным и др.)³⁴. Обнаружить связь между опросами и «населением» в таком значении — на мой взгляд, более вероятно. Доводом в пользу такой связи служит близкая преемственность между идеями физиократов, которые описывает Фуко, и философией утилитаризма, с которой Шумпетер связывает классическую доктрину демократии.

Что дальше?

Вернемся к общему замыслу книги и ее теоретическому послы. Замысел привлекательный: понять современную демократию и ее искажения в перспективе идей, заложенных в межвоенный период XX века. Фокус на Гэллапе и опросах придал этому замыслу драматизм.

Сбои в реализации идеи обусловлены несколькими неудачными решениями, которые можно исправить. В истории понятий решающим оказался пропуск реконструированной Шумпетером классической доктрины представительной демократии. В нормативной критике сказалась слишком сильная, для общей теории, направленность на частный случай «путинской России». Действительно ли Россия представляет собой детище Гэллапа и урок всему миру — пусть пока будет вопрос, а не аксиома. Теоретический словарь автора запутали двусмысленные отношения с концепцией Урбинати, тоже критикующей «плебисцитаризм», но в другом смысле и с других позиций. «Воля/мнение» и «форма/материя» — координаты Урбинати, по отношению к которым надо определиться и прямо сказать о разногласиях, если они неизбежны.

Ответы о «мифах» теперь можно скорректировать.

Опросы — это демократия. Определяя демократию через «любые виды организованного коллективного действия» (с. 22), мы делаем неотъемлемой частью демократии опросы как один из важных типов коллективного действия. Определяя демократию через «принципы множественности и плодотворной конфликтности», соперничество политических повесток и «общественных мнений» (с. 164), мы вслед за участниками публичных дебатов должны прийти к задаче, как замечать эту множественность, и к опросам как одному из решений этой задачи.

Опросы — это общественное мнение. Связывая общественное мнение с публичной сферой, с дискуссиями в массмедиа, мы неизбежно должны включить

34. В книге приводится цитата из лекции Фуко за 25 января 1978 года: «Публика, главное понятие XVIII века — это население, рассмотренное с точки зрения его мнений... Это то, на что можно повлиять с помощью образования, кампаний, убеждения» (с. 153; Фуко, 2011: 113–114). Для Юдина эта цитата иллюстрирует «манипуляции общественным мнением со стороны элит» (с. 152). Для Фуко в этой части лекции принципиально важно другое: «Население, следовательно, представляет собой во все не собрание... подданных, которые... испытывают на себе воздействие воли суверена. Нет, это комплекс элементов, живущих очень своеобразной жизнью... Поэтому тот, кто сосредотачивается на динамике населения..., неизбежно открывает для себя... пространство «природы»... Действительно разумные управленческие решения должны быть ориентированы именно на эту естественность и осуществляться не иначе, как в ее границах» (Фуко, 2011: 112–113).

в такое понимание опросы — не только как инструмент, измеряющий важность новостей и влияние аргументов в дискуссии, но и как элемент медиасреды, помогающий другим медиа решать общую задачу: определение повестки, объяснение, оценка. «Аура научной объективности» делает опросы сильным аргументом и тем самым стимулирует дискуссию, помогает расширить политическую повестку. Опросы — оружие общества в борьбе с «закрытым» стилем политики и одновременно инструмент бюрократии для контроля над обществом. Такой парадокс делает сами опросы проблемой, требующей дискуссии.

Опросы — это (не) социология? Именно этот «миф» важен для общего теоретического посыла, который хотел выяснить Магун в своей рецензии. Юдин облегчает задачу, называя ключевое слово — «политическая онтология»: «За опросами общественного мнения стоит определенная политическая онтология — собственно, об этом и книга» (Напреенко, Юдин, 2020). Ключ к политической онтологии опросов дают нормативная теория демократии и социологическая онтология «науки, технологии и общества» (STS). Вместе они позволяют сказать, действительно ли опросы — «пульс демократии», как обещали Гэллап и Рэй. Политическая критика дает автору аргументы (как мы видели, спорные), почему опросы ведут к «недемократии». Социологические доводы должны обосновать более фундаментальное: почему опросы «не пульс» общества.

За критикой «плебисцитарных тенденций» опросов стоят более серьезные претензии онтологического порядка: «С одной стороны, общественное мнение отсылает к народу. С другой стороны, если за «народом» не стоит никакой самостоятельной силы и он сводится к агрегату, простой сумме индивидов, почему вообще следует ориентироваться на большинство?» (с. 105). «„Общественному мнению“ в версии Гэллапа явно недостает социальной реальности — его онтологический статус непонятен» (Юдин, 2018: 350).

Логика рациональной дискуссии требует, чтобы рядом с позицией Юдина был обоснован альтернативный ответ: демократия, социология, пульс.

Литература

- Бурдьё П. (1993а). Общественное мнение не существует / Пер. с фр. Г. А. Чередниченко // Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos. С. 159–177.
- Бурдьё П. (1993б). Политическое представление: элементы теории политического поля / Пер. с фр. Е. Д. Вознесенской // Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos. С. 179–230.
- Вебер М. (2016). Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. I: Социология / Пер. с нем. под ред. Л. Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Вебер М. (2017). Парламент и правительство в новой Германии: к политической критике чиновничества и партийной жизни / Пер. с нем. Б. М. Скуратова // Вебер М. Власть и политика. М.: РИПОЛ Классик. С. 61–251.

- Гэллан Дж., Рэй С. (2017). Пульс демократии: как работает общественное мнение / Пер. с англ. В. Л. Силаевой. М.: ВЦИОМ.
- Даль Р. (2010). Полиархия: участие и оппозиция / Пер. с англ. С. Деникиной и В. Баранова под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Душакова И. (2020а). Почему не верят опросам, или Как фреймируются результаты опросов общественного мнения в современных российских СМИ // Мониторинг общественного мнения. № 6. С. 30–52.
- Душакова И. (2020б). Медиафреймирование результатов опроса об отношении россиян к Сталину // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 4. С. 111–126.
- Липсет С. (2015). Политический человек: социальные основания политики / Пер. с англ. Е. Г. Генделя, В. П. Гайдамака, А. В. Матешук. М.: Мысль.
- Магун А. (2016). Демократия: демон и гегемон. СПб.: Изд-во ЕУСПб.
- Магун А. (2020). Зондаж богоносца // Социологическое обозрение. Т. 19. № 3. С. 409–425.
- Манен Б. (2008). Принципы представительного правления / Пер. с англ. Е. Н. Рощина под ред. О. В. Хархордина. СПб.: Изд-во ЕУСПб.
- Напреенко И., Юдин Г. (2020). Почему предсказуемость убивает политику. Интервью с социологом Григорием Юдиным // Горький. 25 июня. URL: <https://gorky.media/context/pochemu-predskazuemost-ubivaet-politiku/> (дата доступа: 13.01.21).
- Паниотто В., Грушецкий А. (2015). Индекс результативности российской пропаганды // Вестник общественного мнения. № 1. С. 106–115.
- Пшеворский А. (1999). Демократия и рынок: политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке / Пер. с англ. под ред. В. А. Бажанова. М.: РОССПЭН.
- Рейбрук Д. (2018). Против выборов / Пер. с англ. И. Бассиной и Е. Торицыной. М.: Ad Marginem.
- Руссо Ж.-Ж. (1998). Об общественном договоре, или Принципы политического права / Пер. с фр. А. Д. Хаятина и В. С. Алексеева-Попова // Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле. С. 195–322.
- Сысоев Т., Юдин Г. (2020). «Опросы общественного мнения — это про контроль, а не про демократию». Социолог Григорий Юдин — о том, почему опросы общественного мнения стали препятствием для демократии и почему важно вернуть в Россию подлинную «публичную сферу» // Эксперт. № 24. 8 июня.
- Тилли Ч. (2019). От мобилизации к революции / Пер. с англ. Д. Карасева под ред. С. Моисеева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Титков А. (2007). Кризис назначений // Pro et Contra. Т. 11. № 4–5. С. 90–103.
- Титков А. (2016). Украина 2014–2015 годов: война и революция глазами российских опросных фабрик / VI Грушинская социологическая конференция. 16 марта 2016. URL: <https://profi.wciom.ru/index.php?id=672> (дата доступа: 13.01.21).
- Урбинати Н. (2016). Искаженная демократия: мнение, истина и народ / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд-во Института Гайдара.

- Фуко М. (2011). Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / Пер. с фр. В. Ю. Быстрова, Н. В. Суслова, А. В. Шестакова. СПб.: Наука.
- Хабермас Ю. (2016). Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества / Пер. с нем. В. В. Иванова. М.: Весь Мир.
- Харпфер К., Бернхгаген П., Инглхарт Р., Вельцель К. (ред.). (2015). Демократизация. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Хачатуров А., Юдин Г. (2019). Как хакнуть народ. В чем состоит реальная задача ВЦИОМа при проведении опроса о строительстве храма — объясняет социолог Григорий Юдин // Новая газета. № 53. 20 мая.
- Хачатуров А., Машуков С., Юдин Г. (2020). «Праздник урожая в лепрозории»: социолог Григорий Юдин — о поправках в Конституции и культе общественного мнения // Новая газета. № 60. 10 июня.
- Шампань П. (1997). Делать мнение: новая политическая игра / Пер. с фр. Н. Г. Осиповой, Е. Д. Вознесенской, Г. А. Чередниченко, Н. П. Щенковой. М.: Socio-Logos.
- Шумпетер Й. (2008). Капитализм, социализм и демократия // Шумпетер Й. Теория экономического развития: капитализм, социализм и демократия. М.: ЭКСМО. С. 362–824.
- Юдин Г. (2014). Эксперимент под внешним управлением: риторика и репрезентация крымского мегаопроса // Мониторинг общественного мнения. № 2. С. 53–56.
- Юдин Г. (2018). Теория и технология перманентного референдума. Рец. на кн.: Гэллуп Дж., Рэй С. Пульс демократии: Как работают опросы общественного мнения. М.: ВЦИОМ, 2017 // Мониторинг общественного мнения. № 3. С. 344–354.
- Юдин Г. (2020). Вопрос опросов: общественное мнение в условиях политического раскола // Рогов К. (ред.). Новая (не)легитимность: как проходило и что принесло России переписывание Конституции. М.: Фонд «Либеральная миссия». С. 53–62.
- Dobrescu R. (2009). La distinction rousseauiste entre volonté de tous et volonté générale: une reconstruction mathématique et ses implications pour la théorie démocratique // Canadian Journal of Political Science. Vol. 42. № 2. P. 467–490.
- Dovi S. (2018) Political Representation // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/political-representation/> (дата доступа: 13.01.21).
- Yudin G. (2019). Governing Through Polls: Politics of Representation and Presidential Support in Putin's Russia // Javnost — The Public. Vol. 27. № 1. P. 1–16.

The Pulse of Non-Democracy?

Alexey Titkov

Associate Professor, Faculty for Social Sciences, The Moscow School of Social and Economic Sciences

Address: Gazetny Pereulok, 3-5, Moscow, Russian Federation 125009

E-mail: a-titkov@yandex.ru

The article continues the discussion of Grigory Yudin's book *Public Opinion*. The review considers Yudin's arguments on the "plebiscitarian bias" in opinion-poll technology, on the linkages between opinion-polls, Rousseauist tradition and the "plebiscitarian model", and on Gallup's, Schumpeter's, and Weber's contributions to plebiscitarianism. In the context of the proposed conceptual model, controversial issues in the interpretation of Weber's and Schumpeter's ideas, as well as an estimation of the Russian political regime in the 2010s are debated. Models of plebiscitarianism (including their principles and criteria) as proposed by Yudin, and by Urbinati in *Democracy Disfigured* are compared. The article highlights the differences between Gallup and Schumpeter, as well as between Schumpeter and Weber, in their insights into democracy and public opinion. The reviewer pays attention to the relationship between the classical doctrine of representative democracy by Schumpeter and the bourgeois public sphere by Habermas, and between public debates and the quantification of public opinion. We examine the argument about the continuity between public-opinion polls and the big projects of Modernity, such as representative democracy, public sphere, and biopolitics. Continuity argument is proposed as an alternative to Yudin's hypothesis about the radical reinvention of 'democracy' and 'public opinion' during the inter-war period of the 20th century. Yudin's insights on the social and political ontology of opinion-polls are preliminary, and are reconstructed for further discussion.

Keywords: acclamation, democracy, Gallup, mass-media, polls, public opinion, plebiscitarianism, political ontology, public sphere, quantification, Schumpeter, Urbinati

References

- Bourdieu P. (1993) Obschestvennoe mnenie ne suschestvuet [Public Opinion Does Not Exist]. *Sotsiologija politiki* [Sociology of Politics], Moscow: Socio-Logos, pp. 159–177.
- Bourdieu P. (1993) Politicheskoe predstavlenie: elementy teorii polja [Political Representation: Elements for a Theory of Political Field]. *Sotsiologija politiki* [Sociology of Politics], Moscow: Socio-Logos, pp. 179–230.
- Champagne P. (1997) *Delat' mnenie: novaja politicheskaja igra* [The Making of Public Opinion: New Political Game], Moscow: Socio-Logos.
- Dahl R. (2010) *Poliarchija: uchastie i oppozitsija* [Polyarchy: Participation and Opposition], Moscow: HSE.
- Dobrescu R. (2009) La distinction rousseauiste entre volonté de tous et volonté générale: une reconstruction mathématique et ses implications pour la théorie démocratique. *Canadian Journal of Political Science*, vol. 42, no 2, pp. 467–490.
- Dovi S. (2018) Political Representation. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/political-representation/> (accessed 13 January 2021).
- Dushakova I. (2020) Pochemu ljudi ne verjat oprosam, ili Kak frejmirujutsia rezultaty oprosov obschestvennogo mnenija v sovremennyh rossijskih SMI [Why People Don't Believe Polls, or How the Results of Opinion Polls are Framed in Contemporary Russian Media]. *Monitoring of Public Opinion*, no 6, pp. 30–52.
- Dushakova I. (2020) Mediafrejmirovanie rezultatov oprosa ob otnoshenii rossijan k Stalinu [Media Framing of the Survey Results on the Attitude of Russians towards Stalin]. *RSUH/RGGU Bulletin. Series "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"*, no 4, pp. 111–126.
- Foucault M. (2011) *Bezopasnost', territorija, naselenie: Kurs lektsij, pročitannyh v Collège de France v 1977–1978 uchebnom godu* [Security, Territory, Population: Lectures at the Collège de France, 1977–78], Saint Petersburg: Nauka.

- Gallup G., Rae S. (2017) *Pul's demokratii: kak rabotaet obschestvennoe mnenie* [The Pulse of Democracy: The Public-Opinion Poll and How it Works], Moscow: VCIOM.
- Habermas J. (2016) *Strukturnoe izmenenie publichnoj sfery: issledovanija odnositel'no kategorii burzhaznogo obschestva* [The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society], Moscow: Ves Mir.
- Haerper C., Bernhagen P., Inglehart R., Welzel C. (eds.) (2015) *Demokratizatsija* [Democratization], Moscow: HSE.
- Khachaturov A., Yudin G. (2019) Kak haknut' narod. V chem sostoit real'naja zadacha VCIOM pri provedenii oprosa p stroitel'stve hrama — objasniaet sotsiolog Grigoriy Yudin [How to "Hack" the People. What is VCIOM's Real Task in Opinion-Poll on Temple Construction, Explains Sociologist Gregory Yudin]. *Novaya Gazeta*, no 53, May 20.
- Khachaturov A., Mashukov S., Yudin G. (2020) "Prazdnik urozhaja v leprozorii". Sotsiolog Grigoriy Yudin — o poravkah v Konstitutsii i kulte obschestvennogo mnenija ["Harvest Festival in Leprosarium". Sociologist Gregory Yudin about Amendments to the Constitution and Public Opinion Cult]. *Novaya Gazeta*, no 60, June 10.
- Lipset S. (2015) *Politicheskij chelovek: Sotsial'nije osnovanija politiki* [Political Man: The Social Bases of Politics], Moscow: Mysl.
- Magun A. (2016) *Demokratija: demon i gegemon* [Democracy: Demon and Hegemon], Saint Petersburg: EU Press.
- Magun A. (2020) Zondazh bogonostsa [The Probing of God-Bearer]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 3, pp. 409–425.
- Manin B. (2008) *Printsipy predstavilet'nogo pravlenija* [The Principles of Representative Government], Saint Petersburg: EU Press.
- Napreenko I., Yudin G. (2020) Pochemu predskazuemost' ubivaet politiku. Intervju s sotsiologom Grigoriem Yudinym [Why Predictability Kills Politics. Interview with Sociologist Gregory Yudin]. *Gorky.media*, June 25. Available at: <https://gorky.media/context/pochemu-predskazuemost-ubivaet-politiku/> (accessed 13 January 2021).
- Paniotto V., Grushetsky A. (2015) Indeks rezul'tativnosti rossijskoj propagandy [Russian Propaganda Efficiency Index]. *The Russian Public Opinion Herald*, no 1, pp. 106–115.
- Przeworski A. (1999) *Demokratija i rynek: Politicheskie i ekonomicheskie reformy v Vostochnoj Evrope i Latinskoj Amerike* [Democracy and market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America], Moscow: ROSSPEN.
- Reybrouck D. (2018) *Protiv vyborov* [Against Elections], Moscow: Ad Marginem Press.
- Rousseau J.-J. (1998) Ob obshhestvennom dogovore, ili Principy politicheskogo prava [On the Social Contract; or, Principles of Political Right]. *Ob obshhestvennom dogovore. Traktaty* [On the Social Contract. Treatises], Moscow: KANON-press, Kuchkovo pole, pp. 195–322.
- Schumpeter J. (2008) Kapitalizm, sotsializm i demokratija [Capitalism, Socialism, and Democracy]. *Teoriya ekonomicheskogo razvitija. Kapitalizm, sotsializm i demokratija* [The Theory of Economic Development. Capitalism, Socialism, and Democracy], Moscow: EKSMO, pp. 362–824.
- Sysoyev T., Yudin G. (2020) "Oprosy obschestvennogo mnenija — eto pro kontrol', a ne pro demokratiju". Sotsiolog Grigoriy Yudin — o tom, pochemu oprosy obschestvennogo mnenija stali prepjatstviem dlja demokratii i pochemu vazhno vernut' v Rossiju podlinnuju "publichnuju sferu" ["Public-Opinion Polls is About Control, Not About Democracy". Sociologist Gregory Yudin Says, Why Public-Opinion Polls Became an Obstacle for Democracy and Why it is Important to Recover Authentic "Public Sphere" in Russia]. *Expert*, no 24, June 8.
- Tilly C. (2019) *Ot mobilizatsii k revoljutsii* [From Mobilization to Revolution], Moscow: HSE.
- Titkov A. (2007) Krizis naznacheniij [The Crisis of Gubernatorial Appointments]. *Pro et Contra*, vol. 11, no 4–5, pp. 90–103.
- Titkov A. (2016) Ukraina 2014–2015 godov: vojna i revoljutsija glazami rossijskih oprosnyh fabrik [Ukraine in 2014–2015: War and Revolution through Eyes of Russian Polling Companies]. VI Sociology Grushin Conference, Moscow. March 16. Available at: <https://profi.wciom.ru/index.php?id=672> (accessed 13 January 2021).
- Urbinati N. (2016) *Iskazhennaja demokratija: mnenie, istina i narod* [Democracy Disfigured: Opinion, Truth and the People], Moscow: Gaidar Institute Press.

- Weber M. (2016) *Hozijajstvo i obschestvo: ocherki ponimajushej sotsiologii. T. 1: Sotsiologija* [Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology, Vol. 1: Sociology], Moscow: HSE.
- Weber M. (2017) Parlament i pravitel'stvo v novej Germanii: r politicheskoj kritike chinovnichestva i partijnoj zhizni [Parliament and Government in Germany under a New Political Order: Towards a Political Critique of Officialdom and the Party System]. *Vlast' i politika* [Power and Politics], Moscow: RIPOL-Kassik, pp. 61–251.
- Yudin G. (2014) Experiment pod vneshnim upravljeniem: ritorika i reprezentacija krymskogo megaoprosa [Externally-Guided Experiment: Rhetoric and Representation of the Crimea Mega-Poll]. *Monitoring of Public Opinion*, no 2, pp. 53–56.
- Yudin G. (2018) Theory and Technology of Permanent Referendum: A Book Review on "The Pulse of Democracy: The Opinion Poll and How it Works" by G. Gallup, S. Rae. *Monitoring of Public Opinion*, no 3, pp. 344–354.
- Yudin G. (2019) Governing Through Polls: Politics of Representation and Presidential Support in Putin's Russia. *Javnost — The Public*, vol. 27, no 1, pp. 1–16.
- Yudin G. (2020) Vopros oprosov: obschestvennoe mnenie v uslovijah politicheskogo raskola [Issue of Polls: Public Opinion in the Context of Political Divide]. *Novaja (ne)legitimnost': Kak prohodilo i chto prineslo Rossii perepisyvanie konstitutsii* [New (Il)legitimacy: How the Constitution Rewriting Had Been Running and What it Brought to Russia] (ed. K. Rogov), Moscow: Liberal Mission Foundation, pp. 53–62.